

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ
ПОНЯТИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ГЕНОЦИДА И ЕГО
ОСНОВНЫХ ФОРМ
В СВЕТЕ ДЕЙСТВИЯ И
ПРИМЕНЕНИЯ
СПЕЦИАЛЬНОЙ
КОНВЕНЦИИ ООН
1948 ГОДА**

Общеизвестно, что ни в Уставах, ни в приговорах, вынесенных Нюрнбергским и Токийским международными военными трибуналами, преступления геноцида в прямой постановке не были названы. В конечном итоге понятие геноцида было сформулировано в ст. II Конвенции от 9 декабря 1948 года о предупреждении преступления геноцида и наказании за него следующим образом:

«В настоящей Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу, как таковую:

- a) убийство членов такой группы;
- b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую» [1, с. 99].

Первым же судебным делом, в котором содержались юридические формулировки преступления геноцида и в котором также были рассмотрены серьезные правонарушения ст. 3 общей для всех Женевских Конвенций о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительного протокола II 1977 г. к этим конвенциям, специалисты считают дело «Прокурор против Жана-Поля Акаезу». Слушания по нему начались 9 января 1997 г. Судебной палатой Международного уголовного трибунала по Руанде. Она детально рассмотрела все обстоятельства конфликта (к делу были приложены 125 документальных свидетельств) в целях поиска однозначного ответа на следующие два вопроса: 1) являлись ли события 1994 г. в Руанде, связанные с конфликтом между Вооруженными силами Руанды (ВСР) и Патриотическим фронтом Руанды (ПФР) вооруженным конфликтом немеждународного характера?; 2) являлись ли массовые убийства, происходившие в стране и на территориях соседних государств в период с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г., актами геноцида?

Исследователи, специально посвятившие свои диссертации анализу данных вопросов, в этой связи подчеркивают, что «в процессе квалификации указанных преступных деяний Судебная палата МУТР ориентировалась прежде всего на положения Конвенции о геноциде 1948 г.» [2, с. 20]. Принимая во внимание массовые убийства (жертвами которых стали преимущественно представители народности тутси), Судебная палата пришла к заключению, что в данном случае имели место первые два условия, содержащиеся в определении геноцида, а именно: убийства и причинение серьезных телесных повреждений членам определенной группы. «Судебной палатой также было зафиксировано следующее условие определения геноцида – намерение уничтожить, полностью или частично какую-либо группу как таковую, а именно: тутси». Вместе с тем «Судебная палата МУТР заключила, что акты геноцида были совершены в то время, когда в Руанде имел место вооруженный конфликт между ВСР и ПФР, и это не могло рассматриваться как смягчающее обстоятельство для наказания лиц, совершивших акт геноцида».

Еще одно судебное дело, но уже рассмотренное Судебной палатой Международного трибунала по бывшей Югославии со ссылкой на Конвенцию 1948 г. о геноциде – «Прокурор против Поповича и других» – выявило и доказало вину двух лиц в совершении преступления геноцида – В. Поповича и Л. Биара, используя 315 свидетельских показаний, более 5 тысяч вещественных доказательств, изложенных на 87 тысячах страницах. Судебная палата рассмотрела две категории так называемой «совместной преступной деятельности»: она в своем решении указала на то, что одно общественно опасное деяние было совершено в целях умышленного ужасочения мужского взрослого населения боснийских мусульман, а другое заключалось в насильственном изгнании населения боснийских мусульман из городов Сребреница и Жепа. «По главным моментам событий Судебной палатой было квалифицировано, что имели место факты насильственного перемещения гражданского населения и массовые убийства интернированных лиц.» Однако ключевым является тот факт, что «масштабы и характер операции по уничтожению людей, учитывая число погибших, ту организованную схему, по которой она осуществлялась, а также идентификацию и непрекращающееся преследование жертв и наличие твердого намерения осуществить намеченное, что следовало из свидетельских показаний и вещественных доказа-

тельств, а именно: уничтожить каждого взрослого боснийского мусульманина, предоставили реальную возможность Судебной палате заключить, что речь в этом случае однозначно идет о геноциде».

Между тем приведенные выше в качестве примеров два судебных дела позволяют прояснить позицию по некоторым важным концептуальным аспектам, связанным с определением преступления геноцида. Дело в том, что понятие геноцида, сформулированное в ст. II Конвенции 1948 года, да и другие ее положения до сих пор не являются устоявшимися и являются порой предметом острых дискуссий и споров как в широких официальных кругах, так и в сфере исследований ученых-гуманитариев: историков, юристов, социологов, политологов, психологов и философов. В частности, если Ю.В. Черновицкая пишет, что определение геноцида, данное в Конвенции, «не включает ни «политицид» – уничтожение политических групп и общественных классов (например, предполагаемых коммунистов при режиме Сухарто в Индонезии), ни так называемый «самогеноцид» – уничтожение элитой или большинством групп, которые разделяют все или большинство определяющих национальных, этнических, расовых и религиозных характеристик господствующих групп (например, убийства в 1975-1979 гг. камбоджийцев Пол Потом и Красными кхмерами)» и что «определение видов групп, данное в Конвенции, выглядит противоречивым» или «ограничение определения «национальными, этническими, расовыми или религиозными группами» можно назвать произвольным» [3, с. 165], то В.М. Вартанян подчеркивает, что «указание на намерение в определении Конвенции было особенно спорным, так как утверждалось, что оно чересчур ограничивает применение международных норм, запрещающих геноцид» [4, с. 166]. Разумеется, правительства государств, при попустительстве которых осуществлялись акты геноцида (это не только отмеченные до этого в работе правительства Турции, Хорватии и других государств-союзников фашистской Германии во время второй мировой войны, но и в рамках вышеприведенных двух судебных дел – правительства Руанды и бывшей Югославии), пытались (и пытаются) избежать санкций в виде уголовных наказаний и финансовых компенсаций, прибегая к разным «юридическим» уловкам и отрицая именно намерения уничтожить ту или иную группу как таковую. Однако большинство юристов-комментаторов Конвенции 1948 года сегодня

ня в один голос утверждает, что без строгого условия преднамеренности было бы невозможно отличить геноцид как особое преступление от других форм правительственной поддержки массовых убийств. В то же время С.Дмитриевский полагает, что «для многих парадоксально прозвучали бы два следующих утверждения: во-первых, не каждый случай массового уничтожения людей равняется геноциду, во-вторых, не каждый акт даже незначительного по числу жертв и локального насилия исключает существование геноцида» [5]. Между тем, как замечает этот же автор, «это так: геноцид и массовое убийство вовсе не одно и то же; элемент массового убийства не является обязательным квалифицирующим признаком геноцида, хотя и является важнейшим из индикаторов, сигнализирующих о его возможном совершении».

В контексте рассматриваемого вопроса необходимо обратить внимание и на следующее обстоятельство: все чаще государства и международное сообщество в целом сталкиваются с ростом в мере самых разнообразных по типам и видам политических, социальных, экономических и иных практик, «так или иначе причастных к тому, что может быть квалифицировано как геноцид» (напоминаем, что ими могут быть этнические чистки, гуманитарные трагедии и др.). «Все более опасной чертой современного этапа развития человеческого общества становится тенденция трансформации прямого геноцида в косвенный», – отмечает Ю.В. Черновицкая в своей кандидатской диссертации. М.Гэфтер считает, что «нет геноцида против кого-то, геноцид всегда против всех» [6, с. 274]. В российском энциклопедическом труде под названием «Глобалистика» его авторы подчеркивают, что в последнее время «происходит нарастание масштабов геноцида» [7, с. 163]. Исходя из этих факторов можно наверняка сделать вывод о том, что возникает опасная ситуация, в рамках и пределах которой «геноцид может перерасти в войну всех против всех, превратиться в самогеноцид человечества».

На основе вышеизложенного становится ясным, что в определенном смысле имеет место понятийный кризис, связанный с термином «геноцид». Так как он, закрепленный в Конвенции еще в 1948 году, постепенно перестает «четко фиксировать реальность происходящего». Поэтому, несмотря на достаточную степень разработанности юридических, в том числе международно-правовых, а также исторических аспектов проблемы, необходимо, насколько это

возможно, всестороннее и междисциплинарное осмысление элементов определения геноцида, и в частности, его существующих форм.

Советские юристы в своих научных разработках неоднократно отмечали, что Конвенция 1948 г. «содержит положения, способствующие пресечению и наказанию преступлений геноцида, и совершенно справедливо расценивается в целом как прогрессивный документ» [8, с. 128] особо акцентировав при этом три его формы: это физический геноцид, геноцид биологический и национально-культурный геноцид [9, с. 410] несмотря на то, что выделяемые ими такие формы не нашли своего однозначного признания в Конвенции [10, с. 25].

А.Н. Трайнин в своей известной работе писал, что наиболее губительной формой геноцида является физический геноцид, то есть «непосредственное физическое истребление людей, принадлежащих к определенной расе или нации», одновременно уточняя, что «душегубки, газовые камеры, расстрелы – средства осуществления этой формы геноцида». Другую форму геноцида он определял как форму, которая осуществляется несколько иным путем: она выражается «в борьбе с самим появлением на свет новых членов гонимой нации, расы; биологический геноцид – это борьба с деторождением, стерилизация, запрещение браков, полное разделение полов, принудительные, под страхом смерти, аборт, если зачатие произошло»; к нему «должно быть отнесено и создание для гонимых расовых и национальных групп таких тяжелых условий труда и жилищных условий, такого отсутствия лечебной помощи, которые направлены на уничтожение этих групп.» В качестве особой формы геноцида автор называл также национально-культурный геноцид, «направленный на уничтожение национальной культуры преследуемых народов, ее достижений и богатств», правда признав при этом, что в Конвенции 1948 г. само понятие национально-культурного геноцида было сужено. П.С. Ромашкин в этой связи подчеркивал, что причиной имевшего место такого факта стали «противодействия американо-английского блока» [11, с. 268] при разработке и принятии Конвенции, подтвердив свое утверждение, в частности, тем, что в ней «предусмотрена ответственность за физический и биологический геноцид, но ничего не говорится о наказании за национально-культурный геноцид». Казахстанские ученые С.М. Рахметов и С.А. Кременцов в своей коллективной работе также замечают, что действительно «данная

форма геноцида не нашла своего отражения в диспозиции рассматриваемого преступления» [12, с. 60] и объясняют они «это тем, что данная форма геноцида специально не выделяется и в Конвенции», хотя, кстати говоря, как отмечал тот же А.Н.Трайнин, «пункт III предложений советской делегации по вопросу о геноциде содержал перечень преступных мероприятий, охватываемых понятием национально-культурного геноцида», в числе которых «также мероприятия и действия, направленные против пользования национальным языком, или мероприятия и действия против национальной культуры (так называемый национально-культурный геноцид), как-то:

а) запрещение или ограничение пользования национальным языком как в общественной, так и в частной жизни; запрещение преподавания в школах на национальных языках;

б) уничтожение или запрещение печатания и распространения книг и иных печатных изданий на национальных языках;

с) уничтожение исторических или религиозных памятников, музеев, документов, библиотек и других памятников и предметов национальной культуры (или религиозного культа)».

Из числа современных исследователей юридической природы актов геноцида Т.Г. Дадуани тоже согласен с тем, что понятие «культурного геноцида» (в его емком модифицированном понимании) «нашел лишь частичную квалификацию в Конвенции...1948 г.», но тут же добавляет, что таковым положение остается и сегодня, например, в п. (с) ст.6 Римского статута Международного уголовного суда 1998 г. В этом отношении он «считает важным заключение Международного трибунала по бывшей Югославии о том, что уничтожение охраняемой Конвенцией группы может быть осуществлено не только путем физического уничтожения, но и при помощи уничтожения идентичности группы, поскольку оно также ведет к прекращению группы как таковой», призывая в итоге к необходимости дальнейшей проработки концептуальных аспектов, связанных с этой формой геноцида.

От себя же отметим, что выделяемые три формы геноцида выводились советскими юристами-международниками, как представляется, не столько путем тщательного анализа всего содержания Конвенции, сколько (этот вариант нам кажется более вероятным) вследствие расширительного толкования ее текста. При этом для целей такого толкования, которое, как из-

вестно, не приветствуется международным правом, советские ученые и специалисты в одном лице, использовали в значительной степени в обоснование предлагаемой классификации кроме самого текста Конвенции, ее преамбулу, в которой непосредственно содержится ссылка на Резолюцию 96 (1) Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г., объявляющей, что «геноцид является преступлением, нарушающим нормы международного права и противоречащим духу и целям Организации Объединенных Наций, и что цивилизованный мир осуждает его.» Между тем ст.31 Венской Конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года гласит, что «договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора» [13, с. 353]. Отсюда вытекает, что специального значения термину «геноцид» во всех его подразумеваемых формах и проявлениях представители всех государств-разработчиков Конвенции не придавали, так как из-за позиции США и Великобритании они не имели такого явно выраженного и общесогласованного намерения. В то же время вполне очевидно и то обстоятельство, что советские юристы при выделении трех известных форм, вытекающих, как они полагали, из действительного смысла и значения понятия «геноцид» прибегали к дополнительным средствам толкования, в том числе к подготовительным материалам и к обстоятельствам заключения Конвенции 1948 года, возможность обращения к которым допускается в рамках ст. 32 той же Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 г. Таким образом, подтвердить предложенную советскую классификацию (или различения) геноцида на три совершаемые формы, включая и национально-культурный геноцид в его ограниченном уяснении, можно ссылаясь на ст.32 последнего универсального международного договора.

Вместе с тем при исследовании сущности определения геноцида эти обобщенные советскими юристами формы геноцида или их отдельные действия имеют весьма существенное значение. Дело в том, что в контексте рассматриваемого вопроса очень важным является «учет» и других форм геноцида, которые распространились в XIX веке, а также последующая практика применения Конвенции 1948 года, в рамках которой, заметим, в XX-XXI веках появились и появляются совершенно иные, новые формы прямого геноцида, и которые как

в отдельности, так и в совокупности не были закреплены в этой Конвенции. Представляется, что данный вопрос более комплексно должен быть рассмотрен в органах ООН с участием всех государств-участников, а также представителей функцинировавших и действующих в настоящее время международных уголовных (военных) трибуналов и судов.

Литература

- 1 Международная защита прав и свобод человека. Сборник док. / сост. Мелков Г.М. – М.: Юридическая литература, 1990. – С. 672.
- 2 Дадуани Т.Г. Проблемы совершенствования международно-правовых средств борьбы с актами геноцида. Автореферат дисс. канд. юрид. наук. – М., 2012.
- 3 Вартанян В.М. Уголовная ответственность за геноцид. дисс.канд.юрид. наук. – Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2000. – С. 166.
- 4 Дмитриевский С. Геноцид (гл.14) // Вестник Международного уголовного правосудия // URL:<http://www.mup-info.com/>
- 5 Черновицкая Ю.В. «Косвенный» геноцид в современном обществе (социально-философские аспекты) // Вопросы философии. – 2008. – №10. – С. 166.
- 6 Гефтер М. Эхо Холокоста. – М.: Российская библиотека Холокоста, 1995. – 274 с.
- 7 Глобалистика. Энциклопедия. – М., 2003. – 163 с.
- 8 Володин С. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Советское государство и право, 1954. – №7. – 128 с.
- 9 Трайнин А.Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон / под ред. Р.А. Руденко. – М.: Наука, 1969. – 454 с.
- 10 Забих Қ.Ж. Геноцид адам құқықтары мен бостандықтарына қарсы халықаралық қылмыс ретінде. заң ғыл. канд. дисс. Авторефераты. – Алматы, 2010. – 25 б.
- 11 Ромашкин П.С. Преступления против мира и человечества. – М.: Наука, 1967. – С. 271.
- 12 Рахметов С.М., Кременцов С.А. Преступления против мира и безопасности человечества. – Алматы: Жеті жарғы, 1998. – 60 с.
- 13 Действующее международное право. Том I. – М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1996. – 353 с. (864 с.).

References

- 1 Mezhdunarodnaja zashhita prav i svobod cheloveka. Sbornik dok. / sost. Melkov G.M. – M.: Juridicheskaja literatura, 1990. – S. 672.
- 2 Dadauni T.G. Problemy sovershenstvovaniya mezhdunarodno-pravovyh sredstv bor'by s aktami genocida. Avtoreferat diss. kand. jurid. nauk. – M., 2012.
- 3 Vartanjan V.M. Ugolovnaja otvetstvennost' za genocid. diss.kand.jurid. nauk. – Stavropol': Stavropol'skij gosudarstvennyj universitet, 2000. – S. 166.
- 4 Dmitrievskij S. Genocid (gl.14) // Vestnik Mezhdunarodnogo ugolovnogogo pravosudija // URL:<http://www.mup-info.com/>
- 5 Chernovickaja Ju.V. «Kosvennyj» genocid v sovremennom obshhestve (social'no-filosovskie aspekty) // Voprosy filosofii. – 2008. – №10. – S. 166.
- 6 Gefter M. Jeho Holokosta. – M.: Rossijskaja biblioteka Holokosta, 1995. – 274 s.
- 7 Globalistika. Jenciklopedija. – M., 2003. – 163 s.
- 8 Volodin S. Konvencija o preduprezhdenii prestuplenija genocida i nakazanii za nego // Sovetskoe gosudarstvo i pravo, 1954. – №7. – 128 s.
- 9 Trajnin A.N. Izbrannye proizvedenija. Zashhita mira i ugolovnyj zakon / pod red. R.A. Rudenko. – M.: Nauka, 1969. – 454 s.
- 10 Zabih Қ.Ж. Genocid adam құқықтары мен бостандықтарына қарсы халықаралық қылмыс ретінде. заң ғыл. канд. дисс. Авторефераты. – Алматы, 2010. – 25 б.
- 11 Romashkin P.S. Prestuplenija protiv mira i chelovechestva. – M.: Nauka, 1967. – С. 271.
- 12 Rahmetov S.M., Kremencov S.A. Prestuplenija protiv mira i bezopasnosti chelovechestva. – Almaty: Zheti zharry, 1998. – 60 s.
- 13 Dejstvujushhee mezhdunarodnoe pravo. Tom I. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo nezavisimogo instituta mezhdunarodnogo prava, 1996. – 353 s. (864 s.).